

Как только прозвучал холодный голос юноши, а следом щёлкнули обнулившиеся костяшки счётов, господин Лу тут же почувствовал: с телом что-то не так.

— Хэ! Хэ! Хэ!

Ему казалось, будто он оказался внутри вулкана, а бушующее пламя снова и снова прокатывается по его телу.

Цзян Чэнъи отступил на шаг и холодно смотрел, как этот человек в безумии катается по земле. Тот широко разинул рот, с трудом хватал воздух, а глаза у него выпучились так, будто вот-вот вылезут из орбит.

Увидев, как он мучается, Цзян Чэнъи «добросердечно» напомнил:

— Грехи опутали тебя, заслуга ушла в минус. Только приняв наказание и восполнив заслугу, ты сможешь избавиться от этой жгучей боли.

С таким тоном сказать, что он не злорадствует, — никто бы не поверил!

Странно было другое: господину Лу казалось, что его сознание вот-вот сгорит дотла, но слова Цзян Чэнъи всё равно отчётливо доносились до ушей.

Господин Лу не верил в эту чертовщину. Он протянул дрожащую руку, желая, чтобы охранники помогли ему подняться.

Увы, трое его охранников оказались бесполезны: Цзян Чэнъи избил их так, что они до сих пор не могли встать.

— Бес... бесполезные твари!

Когда эти трое наконец смогли подняться, господин Лу уже почти полчаса горел в огне.

За эти полчаса его едва ли не расплавил целиком, но он так и не потерял сознание.

Именно такого эффекта Цзян Чэнъи и добивался. Раз уж это мучение, какой в нём смысл, если человек просто отключится?

Цзян Чэнъи смотрел им вслед, и на его лице появилась многозначительная улыбка.

— Бесполезно. Всё бесполезно.

С огромным трудом добравшись до больницы и пройдя целую череду обследований, господин Лу услышал только, как врач осторожно сказал:

— Может... вам стоит обратиться к психиатру?

На теле не было ни единого следа ожога или ошпаривания, но этот человек всё время кричал, что ему горячо, горячо. Врач всерьёз подозревал, что у пациента проблемы с психикой.

Раз ожогов нет, что лечить? Конечно, лечить нечего!

Такой результат привёл господина Лу в ярость: он снова только хрипел, а в конце концов велел позвать «мастера».

Раз этот юноша использовал какие-то странные приёмы, ему тоже оставалось только искать мастера из той же области!

Разобравшись с большой неприятностью, Цзян Чэнъи вернулся в супермаркет и снова принялся рассматривать тот самый колокольчик.

Он держал его в ладони, внимательно разглядывал и в мыслях без остановки трезвонил супермаркету:

«Супермаркет, супермаркет, что это вообще такое?»

Раз на колокольчике были выгравированы талисманские знаки, несущие заслугу, значит, человек, защищавший этого духа, точно был добродетельным.

А добродетельный человек обычно... наверное... не стал бы специально защищать злого духа?

К тому же этот дух только что защитил его!

□Хм... сильный убийственный дух. Военный. Заслуг немало. Можно спасти.□

М-м? Что значит «можно спасти»?

Цзян Чэнъи опешил, и очень скоро снова прозвучал тот механический, металлический голос:

□Накорми заслугой — и дух внутри сможет проснуться.□

Цзян Чэнъи мгновенно замолчал, а потом недоумённо спросил:

— Но дух ведь уже умер. Разве не лучше дать ему спокойно упокоиться?

Он ещё не договорил, как сверху медленно опустился лист бумаги и накрыл Цзян Чэнъи всё лицо.

— Тьфу! Ты что творишь... м-м-м??? Такое тоже может быть поручением?

На этом листе было не что иное, как третье поручение Цзян Чэнъи: пробудить духа внутри колокольчика и успешно заключить с ним сделку.

«С ним»? Значит, дух — мужчина.

Цзян Чэнъи цокнул языком. Раз это поручение, ему оставалось только выполнить.

Он бережно взял колокольчик в ладони и слегка встряхнул. В ушах снова прозвучал внутренний голос духа:

□Я хочу... спасти людей... спасти людей...□

По сравнению со вчерашним днём этот голос стал ещё слабее. Если так продолжится, дух внутри рано или поздно исчезнет.

Вспомнив то, что сообщил супермаркет, и подумав, что внутри когда-то был военный, Цзян Чэнъи почувствовал смутную горечь.

Военный... кто знает, сколько времени прошло с его смерти, а он всё ещё думает о том, чтобы защищать людей.

— Эх... даже если бы это не было поручением, я бы всё равно хорошо о тебе позаботился.

Хотя он считал, что покой — лучшая участь для духа, если сам дух этого не хочет, Цзян Чэнъи не стал бы его принуждать.

Он крепко сжал маленький колокольчик обеими руками, и от его тела понемногу высвободилось мягкое золотое сияние.

Когда появился этот золотой свет, на шее Цзян Чэнъи смутно проступил узор. Он покрывал плечи и ключицы и издали походил на распустившийся золотой цветок.

Это был знак того, что супермаркет выбрал его.

Цзян Чэнъи собрал золотой свет заслуг на колокольчике и стал медленно питать духа внутри.

Чтобы этот дух мог получать подпитку всегда и везде, Цзян Чэнъи специально обменял у супермаркета шнурок, продел в него маленький колокольчик и повязал себе на запястье как браслет.

Шнурок этот был вовсе не дешёвой безделушкой с улицы: ни ножом не разрубить, ни копьём не пробить, ни огнём не пережечь. А ещё он мог бесконечно удлиняться и превращаться в плеть.

Но самое главное — золотисто-серебряное плетение очень красиво сочеталось с серебристым колокольчиком.

А из колокольчика, который теперь питался заслугой, даже если снова его встряхнуть, больше не доносился внутренний голос.

Чтобы внутренний голос прозвучал, непременно тратится сила. Дух внутри оказался очень умным: понял, что его питают, и послушно убрал голос.

* * *

После двух спокойных дней супруги Ло и Чжан спросили Цзян Чэнъи, есть ли у него время съездить в Аньчэн.

— Если приедешь, я попрошу Лао Ло забрать тебя на машине!

— Не надо, не надо, не надо! — Цзян Чэнъи поспешно отказался от её доброты. Он сам сядет на скоростной поезд: удобно, быстро и даже комфортнее.

Раз он так сказал, Чжан Мяомяо не стала настаивать, только велела Ло Цюмину заранее приехать на вокзал и встретить его.

Когда Цзян Чэнъи подошёл к выходу, первым делом он увидел мужчину в маске и огромных тёмных очках. В руках тот держал здоровенную табличку: «Сяо Цзян!»

На табличке ещё были нарисованы разноцветные цветочки, и выглядело всё это до ужаса пёстро.

В тот миг Цзян Чэнъи всерьёз захотел развернуться, уйти и притвориться, что не знает этого человека.

Немного... кхм... неловко!

Но воплотить эту мысль он не успел, потому что Ло Цюмин уже его заметил:

— Сяо Цзян! Сюда! Я здесь!

Стоило ему крикнуть, как взгляды всех вокруг сосредоточились на этой пёстрой табличке.

Почувствовав, что люди вокруг смотрят в их сторону, Цзян Чэнъи едва не вздыбился всем телом.

Он быстро подбежал, схватил Ло Цюмина за руку и потащил наружу.

Брат, не кричи! Это так стыдно и так неловко, QuQ.

В отличие от него, Ло Цюмин не только не смущался, но ещё и был ужасно воодушевлён:

— Эй! Я наконец понял, почему фанаты любят встречать звёзд с табличками. Когда я увидел тебя, правда стало так радостно!

Он был киноимператором, и как бы скромно ни держался, фанаты, конечно, встречали его в аэропорту.

Раньше он не очень понимал, почему поклонницы готовы несколько часов терпеть холод только ради того, чтобы мельком увидеть его у выхода.

Жалко их было, но понять он не мог.

А теперь понял: ради того, кем восхищаешься, даже пройдя через тысячу трудностей и десять тысяч бед, всё равно хочется хотя бы взглянуть на него.

Чем больше он об этом думал, тем сильнее умилялся, и глаза у него вдруг наполнились слезами.

Цзян Чэнъи как раз тащил его к парковке. Обернувшись, он увидел, что тот чуть ли не плачет.

«...»

Он старательно попытался вспомнить: что именно он сделал, чтобы довести человека до слёз?

К счастью, Ло Цюмин быстро вернулся в норму, и покрасневшие глаза продержались всего несколько секунд.

Цзян Чэнъи: не зря он киноимператор...

Когда они вернулись домой, Чжан Мяомяо сидела на коленях на полу и чрезвычайно напряжённо смотрела на алый плод.

Увидев, что Цзян Чэнъи пришёл, она наконец выдохнула:

— Сяо Цзян, скорее посмотри: он уже созрел? Как мне его сорвать? Нужно срывать нефритом или золотым предметом?

Шаг Цзян Чэнъи слегка замер, а выражение лица на миг стало сложным.

Это же не жэньшэнь-го из «Путешествия на Запад»... К чему такие сложности?

Если бы он произнёс это вслух, супруги наверняка серьёзно кивнули бы:

— Конечно к чему!

Это же ребёнок, о котором они думали днём и ночью!

— Не нужно. Просто сорвите, разделите на две части и съешьте каждый по половине.

Но даже после его слов руки Чжан Мяомяо всё равно тряслись так сильно, что о том, чтобы сорвать плод, не было и речи. Она даже прикоснуться к нему не решалась.

А Ло Цюмин... ладно, у него реакция была ещё сильнее, чем у жены. Казалось, он вот-вот потеряет сознание.

Цзян Чэнъи ничего не оставалось, кроме как сделать всё самому.

Он широким шагом подошёл к саженцу и под испуганными взглядами этих двоих грубо сорвал плод, с силой разломил его и быстро сунул половинки им в рот.

Они даже не успели распробовать вкус, как плод мгновенно растаял во рту.

Оба машинально сглотнули — и так проглотили плод.

— Я... и вот так у нас будет ребёнок? — Чжан Мяомяо обхватила живот, и выражение её лица было не то плачущим, не то смеющимся.

Она и Ло Цюмин с нежностью посмотрели друг на друга.

— Муженёк~ у нас будет ребёнок!

— Жёнушка~ дальше тебе придётся потрудиться!

Цзян Чэнъи стоял рядом и смотрел на них с очень тонким выражением лица.

В конце концов он всё-таки не выдержал и насильно прервал их полную нежности сцену:

— Простите, что мешаю, но продукты супермаркета вообще-то довольно научные.

— Например, этот плод только гарантирует, что вы сможете родить ребёнка. Но все предварительные действия вам всё равно придётся выполнить самим...

Опасаясь, что эти двое его не поймут, Цзян Чэнъи добавил:

— То есть те самые взаимодействия ниже шеи, которые Луцзян писать запрещает... вы понимаете, о чём я, да?

Понимают... как тут не понять?

Но двум людям почти сорока лет слушать такое от молодого человека чуть за двадцать было так стыдно, что лица у обоих мгновенно покраснели.

— Кхм... понимаем... понимаем! Мы поняли!

Ло Цюмин поначалу смущался и запинался, но потом в нём поднялось возбуждение. Он, как щенок, сияющими глазами уставился на свою жену.

От такого взгляда Чжан Мяомяо тоже смутилась и поспешно закрыла лицо руками, опустив голову.

Цзян Чэнъи очень вовремя проявил такт и попрощался:

— Чжао Цзяминь как раз меня ищет, тогда я пойду! Примерно через неделю с небольшим можете сходить в больницу и сдать кровь на проверку. Пока-пока!

Он быстро ушёл, спустился вниз и добежал до лавочки.

Прохладный ветер развеял жар на его лице. Спустя долгое время он тихо рассмеялся.

— Как же хорошо.

<http://bllate.org/book/17657/1718807>